

ОСНОВЫ СИМВОЛИЧЕСКОЙ ОНТОЛОГИИ АРХЕТИПА

Важнейшим признаком архетипа как сущностного выявления коллективного бессознательного служит то, что он представляет бессознательные содержания в сознании только в том виде, в котором они могут быть наиболее полно и естественно освоены человеком. Поскольку же архетип непосредственно связан с индивидуальным сознательным опытом, его презентации всегда предопределены и приспособляются к особенностям конкретной жизненной ситуации человека. Отыскивая наиболее адекватную форму демонстрации сформированных в сознании противоположностей, он способствует их дальнейшему осознанию, ради результативности которого совокупность актуальных бессознательных содержаний, являющихся объектом архетипического действия, испытывает сначала в бессознательном, а потом и в сознании ряд первичных преобразований. Их итогом становится рождение ведущей бессознательной фантазии: Образа - наглядного выражения архетипических истин.

Феноменологическое разворачивание автономных трансцендентных содержаний в Эго предусматривает возможность их продуктивного освоения. Вследствие этого, энтелехия архетипа ставит перед сознанием колоссальную задачу, осуществление которой может считаться значительным достижением, связанным с интерпретацией и герменевтическим взглядом на непознанные тайны, содержащиеся в самых глубинах человеческого естества. А изучение специфики образного понимания символа, по мнению автора, должно расцениваться как единственно возможный способ освоения традиции, культуры и Космоса.

Только рассматривая диалектику образа, знака и символа, можно явить смысл, воплощающий в себе актуализированную многовариантность архетипа в процессе его освоения сознанием. Смысл, сначала воспринимаемый только как феномен, благодаря способности сознания, становится явлением, *“означающим нечто в ряду сопредельных явлений, - станет вещью, играющей определенную роль и служащей определенным целям, оказывая осмысленное влияние. Но если мы сможем все это рассмотреть, у нас проснется ощущение, что мы смогли нечто познать, нечто объяснить. Проснется, таким образом, потребность в научном постижении [1]”*. Итак, сознательные интерпретации как основной элемент научного исследования должны быть **со-образны** характеру и особенностям развития познаваемых явлений жизни. В связи с этим уместным представляется указание П.Рикера на то, что уже в самом акте интерпретации возникает возможность восхождения к онтологии. *“Расшифровывая тайны желания быть, мы раскрываем собственное желание, составляющее основу смысла и рефлексии; Cogito путем интерпретации открывает в самом себе то, что называют археологией субъекта; существование брезжит в этой археологии, но оно остается включенным в движение расшифровки [2]”*. Интерпретация поэтому всегда должна быть двунаправлена, а обращение к архаическим фигурам должно указывать перспективы развития человека. Этими же установками относительно стратегии толкования бессознательных символических конструкций руководствовался и К.Юнг.

Результаты научной деятельности З.Фрейда, его учеников и последователей, в первую очередь К.Юнга, описывающие специфику бессознательных процессов, которые определяют основы бытия человека и общества, способствовали образованию нового взгляда на природу сознания, адекватные интерпретации которого возможны только при условии аналитического рассмотрения его бессознательных предпосылок. Этот процесс в определенном смысле можно называть *депотенциацией*, предусматривающей усвоение сознанием смыслов, извлеченных из символических содержаний путем их разворачивания.

Юнг вполне справедливо считает, что познание природы символа и его адекватные интерпретации становятся возможными только на основании сравнительного изучения результатов мифологических, фольклорно-этнографических, историко-религиозных и этимологических исследований. Такой подход обусловлен объективной слабостью методологических основ ряда классических и наукообразных теорий, игнорирующих специфику бессознательных процессов. Более того, выработанный ими категориальный аппарат, реду-

* © С.А. Маленко, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, 2006.

цирует разнообразие объекта познания к сформированным наукой однолинейным схем, никак не способствующих “освещению” смыслов символической материи бессознательного. Идеально в этих случаях, по мнению Юнга, познание, подобное разворачиванию традиционной мифологии, вполне успешно демонстрирующей свою способность и адекватность в сфере формирования исходных теоретико-познавательных ориентиров; оно и доказывает свою эффективность в деле получения, структурирования и воспроизводства повседневного практического опыта.

Сталкиваясь с проблемами интерпретации, Юнг выстраивает оригинальный герменевтический метод, который, по предложению одного из представителей школы развития в аналитической психологии М. Фордхама, точнее можно было бы назвать *методом исторической амплификации* (от лат. “amplificatio” – распространение, увеличение). Если стилистически амплификация понимается как определенная структура, состоящая из последовательно нанизываемых синонимических определений, сравнений, образных выражений и применяющаяся для усиления выразительности утверждения, то К.Юнг предлагает авторскую интерпретацию этого понятия, вызвавшую продолжительные дискуссии, и очерчивает новую сферу его использования, развивая восходящий принцип лингвистического термина “амплификация”.

Один из представителей этой школы, К.Ламберт, сравнивает проводящего сеанс интерпретации аналитика с историком. Тем не менее, в отличие от последнего, аналитик всегда имеет дело с прошлым, которое всё ещё живёт.

Наоборот, основатель архетипической школы в аналитической психологии Дж. Хиллман резко выступает вообще против любой интерпретации, в особенности в значении “перевода” или “расчленения”. Оба эти процесса, по его мнению, извращают образ, нанося огромный вред человеку как объекту интерпретации. Но даже если принять терминологию Хиллмана в отношении к случаям “сближения” с образом, проблема актуализации “всплывающих” в сознании архетипических содержаний, по мнению автора, всё равно остаётся. Любые искажения и неточности в понимании образных презентаций феноменов бессознательного свидетельствуют, во-первых, об их сложности, во-вторых, о неадекватности, даже на частном уровне, представления современными средствами сознания многообразия бессознательных презентаций. И, наконец, в-третьих, самого факта развития сознания вполне достаточно для того, чтобы оно могло бы выступать сначала как элементарный фиксатор присутствия бессознательных аспектов, а в дальнейшем, в актах интерпретации, приращивать себя путем освоения и понимания потаённого.

Свой герменевтический метод Юнг выстраивает на основании специфической “логики” бессознательных процессов, умышленно и сознательно отдавая *“преимущество драматическому, мифологическому способу мыслить и говорить: он не только более выразительный, но и более точный, нежели абстрактная научная терминология, обычная игра которой думать, что её теоретические формулировки как-то, в один день, станут алгебраическими уравнениями [3]”*.

По мнению Юнга, *амплификация* крайне необходима и в случаях рассмотрения интерпретатором неопределённого с точки зрения рационального мышления неясного переживания (опыта), *“которое лишь невыразительно прочерчивается и должно быть увеличено и развито путем включения в психологический контекст ради того, чтобы быть понятым полностью [4]”*. Подобные трудности сначала возникают с появлением в сознании образа, форма и содержание которого провоцируют постоянные сомнения в их целесообразности и значимости, и только его эмоциональная окрашенность подчёркивает надуманность такого рода сомнений. Образ выражает неизвестные процессы в бессознательном, которые лишь с его появлением обрастают вниманием сознания на свой хаотический, разъединённый характер.

В связи с этим К.Юнг предлагает методичку первичного изучения бессознательных процессов, которая, на первый взгляд, имеет следующий вид. *“Возьми бессознательное в его наиболее доступной форме, скажем в форме фантазии, сновидения, немотивированного изменения настроения, сильной эмоции или чего-либо в этом роде, и оперируй им. Посвяти ему особое внимание, сосредоточься на нем и объективно следи за изменениями, которые в нем происходят. Посвяти решению этой задачи все свои силы, внимательно следи за цепочкой трансформаций спонтанной фантазии. Главное же – не позволяй прокрасться в неё чему-либо извне, так как в образе-фантазии есть “все, что ему нужно”. Именно так ты будешь надежно защищён от прихотей сознания и предоставишь бессознательному возможности действовать так, как ему вздумается [5]”*. Таким образом, главной задачей интерпретации является предоставление бессознательному возможности непосредственно манифестировать себя. А из всех выдвигаемых по этому поводу гипотез интерпретатору следует признать наиболее достоверной ту, которая опирается на максимально полный спектр культурных оценок проявляющихся феноменов, которые “ощущаются” им как субъективно значимые.

Поскольку символ структурно включает в себя образ, всё, сказанное выше, будет верным и по отношению к нему. Однако как более сложное образование он требует и соответствующей процедуры истолкования. Последняя аналогична лингвистической интерпретации того ли иного слова, значение которого проясняется лишь благодаря сравнению возможных контекстов его появления. Тем не менее, вычленение смысловых нитей, составляющих единство образности символа, представляет для герменевта определенную проблему, связанную со склонностью сознания к линейной определенности в оценке действительности. Эта черта сознания снова и снова побуждает его обращаться к авторитету мифа, схемы которого имеют косми-

ческий статус. *“Для формы смысл – это как будто подручный запас истории, он богатый и покорный, его можно то приближать, то отдалять, стремительно чередуя одно и другое; форма постоянно требует того, чтобы снова пустить корни в смысл и напитаться его естественностью; а главное, она нуждается в нём как в хранилище. Такая постоянная игра в жмурки между смыслом и формой является выдающейся для мифа»* [6].

Формулируя основы симвонологии, выстроенной в соответствии с методологией К.Г.Юнга и находящимися в её русле размышлениями М.Мамардашвили и А.Пятигорского, авторы предлагают выделение следующих структурных компонентов анализа символики, учитывающее специфику разворачивания мифа в сознании. Во-первых, в границах того ли иного *символического поля* выделяются определенные физические и материальные объекты (факты, события, идеи, предметы, числа, конструкции, ландшафты, ситуации и тому подобное), имеющие общий характер не только по отношению к конкретному символическому полю, человеку, но и к культуре в целом. Во-вторых, выделенные объекты должны выражать типичные нефизических состояний. Эти образы имеют значение, выходящее за пределы индивидуального опыта и даже ментальных особенностей, так как их смысловое наполнение обусловлено спецификой бессознательных коллективных форм. В-третьих, интерпретируемые типичные состояния, как правило, должны выражать негативные с точки зрения отождествления с ними сознания психические изменения, воплощающиеся в материи символа и приобретающие для индивида универсальное значение. Причем факт подобного отождествления с коллективными символическими содержаниями должен восприниматься не как деструкция, а скорее как недостаточность и несовершенство.

В связи с этим коллега Юнга, автор предисловия к его книге “Человек и его символы” Дж. Фримен, справедливо считает, что *“юнговские аргументы раскручиваются спирально вверх над предметом подобно птице, которая облетает дерево. Сначала возле земли она видит лишь путаницу ветвей и листья. Постепенно, кружа все выше и выше, открывающиеся ей участки дерева предстают более целостными и связанными с окружающим [7]”*.

Сложность познания механизмов бессознательного определяет и специфический характер их интерпретаций. С одной стороны, индивидуальные неосознанные фантазии могут быть объяснены путем их соотнесения с внешними ситуациями, которые объективно имели место, а с другой – отделённые от внешних обстоятельств, бессознательные комплексы предстают как тенденции развития самого субъекта, интерпретация которых возвращает их индивиду. Образы и символы коллективного бессознательного раскрывают свои ценности при условии использования в процессе их интерпретации синтетического подхода. Его особенности Юнг усматривал в том, что начальный этап вычленения материи бессознательного – его анализа, должен сменяться их дальнейшим обязательным синтезом, позволяющим развернуть полноту смысла изучаемого в его же контексте содержания. Этот процесс необходимо углубляется с помощью средств сознания.

Поиск актуального для сознания символического смысла основан на следующих составляющих:

- 1) на субъекте как источнике исходного символического материала;
- 2) на субъекте как интерпретаторе продуцируемых символических содержаний;
- 3) на поле взаимодействия интерпретатора и интерпретируемого;
- 4) на максимально полном сравнительно-историческом материале, относящемся к изучаемому символу.

Движение к раскрытию подобных смыслов предстаёт сложным процессом взаимодействия субъекта как носителя символического содержания и интерпретатора как проводника первого этапа освоения актуальных бессознательных содержаний. Этот процесс понимается Юнгом в пределах концепции энантиодромии противоположностей: проявление смысла выступает результатом снятия определенного напряжения между двумя сторонами герменевтической процедуры. Причем каждая из них имеет разные возможности не только выявлять в другой противоположные тенденции, но и включать их в собственный контекст. Тем самым оба участника поднимаются с помощью друг друга к осознанию противоположных компонентов собственных неактуализированных бессознательных содержаний, а само толкование символа представляется автору исключительно творческим актом, предполагающим прорыв в самосознании как индивида, так и интерпретатора.

Как индивидуальная проекция символ, в границах приобретённого сознательного опыта, является способом толкования субъективно значимых мотивов, открывающих пространство смыслов и привязывающих символ к определенному контексту. Так, интерпретация представляет собой движение от объективной истины символа к обстоятельствам жизни индивида, имеющего определенный опыт общения с символами. По мнению автора, именно этим и обусловлена вся сложность метода интерпретации символа, понять который можно лишь на основе признания потенциальной целостности индивида, продуцирующего и осваивающего символ в его культурном контексте.

Как уже отмечалось, символ как таковой характеризует особенности коллективных представлений. И в случае выхода подлежащих анализу бессознательных содержаний за индивидуальные рамки следует расширить контекст поиска смысловых плоскостей. Для этого используются аналогии и соответствия предмета исследования с мифологическими, фольклорными, религиозными, этическими и другими мотивами коллективного восприятия и видения мира. Именно так бессознательные аспекты архетипа становятся более про-

ясненными за счет палитры найденных соответствий. Причем подобная позиция должна актуализироваться каждой интерпретацией.

Итак, общая амплификация предоставляет возможность воссоздания коллективного контекста того или иного появляющегося в границах индивидуального сознания символа. Так, находившийся под влиянием юнгианского психоанализа Г.Башляр справедливо отмечал, что *“единственной всеохватывающей интерпретацией представлялась бы такая, которая согласуется с исходным значением мифов и символов, возвращая это значение прямо к его метафизическому истоку, к диалектике творения [8]”*.

Начиная то ли аналитическое лечение конкретного человека, то ли исследование в области древней мифологии, религии или алхимии, ученый каждый раз должен настраиваться на осуществление своеобразной новой Одиссеи, заведомо сознавая, что как её сценарий, так и её результаты никогда не могут быть предусмотрены заранее. Основой подобного творчества может быть лишь признание самоценности и самодостаточности любого факта, с которым имеет дело исследователь. Более того, саму реальность отдельной личности необходимо рассматривать только сквозь призму её уникальности, которая, безусловно, находится в постоянной конфронтации с разнообразными жесткими теоретическими конструкциями, которые именно своей односторонностью разрушают и уродуют сущность человека.

Особая миссия герменевтики – соединять находящееся в бессознательном далекое прошлое предков с настоящим. Именно подобным образом устанавливается тесная связь между сознанием, ориентированным на современность, и бесконечным опытом Жизни, рассеянным в бессознательном. Интерпретация символов – это один из основных и перспективных направлений применения юнгианской методологии. Она находится вне всякой догматичности, и не предполагает однозначности и отождествления с любым «общепризнанным» формулировками или теориями. Но, как и подлинное искусство, она всегда полностью и окончательно принимается всем существом человека, интуитивно ощущающим её истинность. Такая интерпретация – это путь к чувственной и сознательной гармонии, путь к индивидуации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Юнг К.Г. Собрание сочинений: в 19 т. Т. 15. Феномен духа в искусстве и науке / К.Г.Юнг. - М., 1992. - С. 113.
2. Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика: Московские лекции и интервью / П.Рикет. - М., 1995. - С. 138.
3. Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика: Московские лекции и интервью / П.Рикет. - М., 1995. - С. 24.
4. Юнг К.Г. Психология и алхимия / К.Г.Юнг. - М.; Киев, 1997. - С.301.
5. Юнг К.Г. *Mysterium coniunctionis* / К.Г.Юнг. - М.; Киев, 1997. - С.562.
6. Барт Р. Мифологии / Р.Барт. - М., 1996. - С. 243.
7. Фримен Дж. Введение / Дж.Фримен // Юнг К.Г. Человек и его символы. - СПб., 1996. - С. 13.
8. Керлот Х. Э. Словарь символов / Х.Керлот. - М., 1994. - С. 53.